

Анна Ахматова прожила долгую жизнь, наполненную историческими катаклизмами: войнами, революциями, полным изменением жизненного уклада. Когда в первые годы революции многие интеллигенты оставили страну, Ахматова осталась со своей Россией, я пусть окровавленной и разоренной, но по-прежнему родной.

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Ахматова разделила со своим народом все горести, которые выпали на его долю. В 1921 году арестован и расстрелян ее муж - поэт Николай Гумилев. После мужа наступила очередь сына - во времена культа личности Сталина он арестовывался трижды. Семнадцать месяцев она провела в тюремных ожиданиях. Видела муки матерей, жен, дочерей, стоявших в этих страшных очередях. Поэма «Реквием» создавалась в эти страшные годы и отмечена, прежде всего, биографической сопричастностью к происходящей трагедии:

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.

Поэма Ахматовой — дневник чувств человека, находящегося на пределе своих жизненных сил, буквально между жизнью и смертью, между смертью и безумием:

И упало каменное слово
на мою еще живую грудь-
Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.

Но при этом поэт чувствует себя частью народа, чувствует, что выражает не только свои личные переживания:

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

С самого начала поэмы она говорит о горе народа в целом:

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

Такое панорамное видение дает возможность поэту возвыситься над собственным страданием, чтобы передать страдания множества безымянных женщин. Не переставая чувствовать собственную боль, поэт, на каком-то самом душевном последнем изломе, вдруг начинает смотреть на эту боль откуда-то извне и сверху:

Тихо льется тихий Дон,

Желтый месяц входит в дом,
Входит в шапке набекрень,
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна...

Чтобы так говорить о самой себе, нужно полностью выйти за пределы собственного «я», нужно вместить в себя чужое страдание. Это и происходит в следующем стихотворении:

Нет, это не я, это кто-то другой страдает
Я бы так не смогла...

Трагический голос поэта оказывается лишь одним из голосов в скорбном хоре страдающих женщин. Здесь не только современницы, но их «стрелецкие женки», и жены декабристов («каторжные норы»). Все они страдают от тиранической власти, от порождения этой власти — казни инакомыслящих.

Но поэт сопричастен не только национальной трагедии. В трагедии национальной поэт провидит трагедию общечеловеческую. В цикле «Распятие» история повторяется уже на вневременном уровне: казнен невиновный, и страдающая мать рядом с ним:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,

А туда, где молча Мать стояла,

Так никто взглянуть и не посмел.

Одиночество Матери, скорбящей о Сыне, становится в поэме символом всеобщей беды и вины.

В одном из прозаических набросков А. Ахматова писала, что аккомпанементом к «Реквиему» «может быть только тишина и редкие отдаленные удары похоронного колокола». Поэма воплощает состояние объятых горем людей, голосом которых стала А. Ахматова.